

*Я вытянула из глубин зверя,
у которого знакомые глаза и голос.
Он терзается и стонет, кровоточащий подранок.*

ЧАСТЬ I

Сорняки

Судороги

— Она точно не умерла? — шептались испуганные люди, окружившие ее криво замершее на асфальте тело.

— Она не умерла, — подтвердили позже врачи и подключили к аппарату искусственного дыхания.

Грузия впала в глубокую кому. Неспособная ходить на собственных ногах, она свалилась, едва сделав несколько самостоятельных шагов, сломала себе позвоночник, расколола голову и застыла, скрученная так неизящно, что голливудский кинематограф подобный кадр не одобрил бы: там у них грация, легкость, там нужно правильно ногу под себя поджать и согнуть руку в локте. Голову набок и по возможности вздернуть подбородок, как на полотнах Возрождения.

У смерти был запах сырости, скрип полуоткрытой двери и маячащий свет керосиновой лампы. Подползающая смерть мерцала безразмерной и бесформенной жалостью умирающих к себе самим. Жалостью к себе тех, кто остались живы.

Сандрик впервые пожалеет себя, когда Миша, отец, уйдет из семьи, а потом — когда не станет Инги. В юности, когда он останется один, ему будет казаться, что луна смотрит на него глазами матери. Уже больной раком. Уже ускользящей. Что нет ничего более очевидного, чем этот полуоткрытый рот, распахнутые навстречу беде глаза и свет. Желтый, скачущий свет,

который источала Инга, утекая в смерть из-под мятой простыни и затягивая за собой лакуну.

А пока, возвращаясь по вечерам домой, Миша мечтал о кресле-качалке. Так всем и рассказывал при любом удобном случае: во время застолий, кухонных посиделок, встреч с одноклассниками. Или когда сосед поднимался одолжить до получки. В те годы мечтать о кресле-качалке было чудачеством, мало кто решался проявлять любовь к греховному миру комфорта, растлевающему жесткое и натруженное до мозолей тело. И Миша, только и ждавший печального итога всемирного заговора и вынужденного переселения людей в пещеры, упивался этой маленькой прихотью, которую мог себе позволить: помечтать о чем-то столь прекрасном и в его случае финансово неподъемном, лишь бы всех удивить. Объявив о своей неизменной мечте в очередной раз, он обычно откидывался на спинку стула и горящими глазами оглядывал слушателей. Миша с наслаждением вбирал в себя их недоумение и прощение маленькой слабости человеку, готовому в любой момент начать добывать еду копьем, потому что «к этому все идет». Но, озвучив мечту, он ею пресыщался. Она серела, теряла тепло, как мертвеющее тело, пока он снова не вдыхал в нее жизнь на очередных посиделках. Миша так и жил — от озвучки до озвучки. Это помогало ему ждать великого, печального и уже неизбежного переселения народов обратно в пещеры.

Рассказывая о кресле-качалке, Миша будто отрывался от собственного тела и, как художник, отходящий на обзорное расстояние от своей картины, смотрел на себя и свою несбыточную мечту как бы со стороны, примеряясь с карандашом меж пальцев, упоенно щурясь. В эти минуты он подпитывался жалостью к самому себе, обреченному любить то, чего не имеет, и ждать того, что не случится. Самосострадание, постсоветская чума, обживалось в панельных квартирах, подминая под себя целые семьи.

Инга, прихватив Сандрика, регулярно ходила на районную АТС, чтобы оплатить городской телефон: месяц пустых разговоров,

молчания в трубку и голосовой тоски, передаваемой не воздушно-капельным. Там в окошках сидели женщины с синими веками, алыми губами и лаком цвета ржавчины на ногтях. Они и заправляли медно-кабельными механизмами передачи инфекции: захотят, отключат тебя от очага болезни, захотят, вернут к связи. На АТС всегда пахло краской, сыростью, карболкой и агрессивным женским парфюмом. Тусклый свет падал мимо людей, а звуки носили канцелярно-фанерный характер.

Но в тот морозный предновогодний день все было иначе. К наглухо закрытой двери АТС стеклась бесформенная очередь. Из двери периодические выпадения в толпу совершала широкая ладонь. Промышленный район, намертво заглушивший все свои индустриальные трубы, ссутулился и скис в ожидании заокеанской руки дающей и должного внимания к своей затравленности. Все хотели должного внимания. Тбилисцам было мало рассказывать о жалости к себе друг другу. Нужно было, чтобы их признали и пожалели. Чтобы о них говорили те, кому повезло гораздо больше.

— Представляете, вчера поднимаю трубку, чтобы набрать номер, а там дочь моя с парнем каким-то о сексе болтает! — Женщина в толпе на секунду вдавила голову в плечи, и заимствованное слово глухо зашипело, как аспирин в стакане воды. — И не с дому, а, видимо, от подруги. Вот уж телефонные линии пересеклись!

В те времена все начали постепенно понимать, что за пределами блочно-панельной аркадии есть не только «секс», но и другая жизнь. Что там по земле ступают богачи, не придуманные сценаристами мыльных опер, что у женщин там есть домработницы и даже оргазм (это потому, что климат другой, мягкий, уверяли себя наши). И что за все это им не обязательно покаяние. Осознание того, что прекрасный, беззаботный мир по ту сторону безбожия обязан здешним людям, снискавшим у судьбы чуть меньше удачи, пришло очень быстро, и все по эту сторону примерили на себя защитные комбинезоны жертв.

— Так, очередь соблюдайте! Назад, говорю! — Широкая ладонь, выглядывающая из толстого серого рукава куртки, обозначила границу толпы взвинченных женщин и перепуганных детей.

— Что за отношение к людям? Кошмар, кошмар! Второй час держат на холоде, как собак!

— На днях поставили елку, а он просыпается ночью, садится на кровати, бороду нервно чешет. Что, спрашиваю, случилось? Елка, отвечает, в углу на двух человеческих ногах притаилась, убери. Говорит мне такое, представляешь, и пальцем у виска крутит! Что, вскипаю я, дыру сверлишь? Нет, говорит, пулю вкручиваю.

— Говорят, в коробках можно доллары найти. Нас потому тут и держат.

— Как это?

— Коробки они там у себя открывают, смотрят, что внутри.

— Доллары? — Высокая женщина в черной затертой дубленке едва не опрокинулась на собеседниц, замкнув круг доверия. — Вот прямо в коробках?

— Ну да, между карандашами и шарфиками. У моей подруги мать в Америке, так она доллары оттуда каждый месяц присылает. Я слышала, у них там всё теперь чеками какими-то оплачивают, а бумажные деньги остались не у дел. Вот и сбывают в наши страны.

Не прошло и двух минут, как подозрительная толпа стала неистово ломиться в закрытую железную дверь АТС и угрожать ее выломать, если там, внутри, не перестанут вскрывать коробки. Разревелись дети, хватаясь за пальто матерей, потянули их домой. От поднявшейся суеты Инга потеряла место в очереди, и толпа вытолкнула ее на самый край огороженной территории. У Сандрика сводило челюсти от мороза, а под шапкой вспотели волосы. В горле пересохло, и язык натирал небо. Колючий свитер окольцевал шею, и поворачивать ее совсем не хотелось, поэтому Сандрик смотрел в землю, изучая узоры обледенелого асфальта.

— Разве ты не хочешь подарка? У нас, сынок, в этом году другого не будет.

— Пошли, мам. Я хочу пить. И есть.

— В коробках точно будут «Сникерсы», подождем немного еще.

— Тогда не стучи и не кричи, как они.

— Ты что, зачем мне это? Стыд какой! Просто дождемся нашей коробки.

— А вдруг на всех не хватит?

— Ну, как получится... — Инга тяжело выдохнула и огляделась по сторонам в поисках спокойной компании, в которой можно было бы постоять и как бы примкнуть к общему ожиданию, но только чтобы никто не подстегивал выкрикивать угрозы.

Рядом жалась к забору женщина, крепко ухватившись за хрупкую ручку маленькой девочки. Обе они отстраненно наблюдали за буйством толпы, но никуда не уходили. Инга потянула Сандрика за собой и аккуратно придвинулась к незнакомке, которая этого будто и не заметила.

— Я каждую неделю посещаю церковь, — начала вдруг она, явно обращаясь к Инге, и Инга, желая проявить внимание, доверительно склонилась к женщине. — Про свадебное платье у священника вот спрашивала. Мы с мужем развелись, а я боюсь, что развод — это грех. Ведь мы венчались. И я просила у священника разрешения.

— На что? — С каждым вяло и медленно произнесенным женщиной словом Инге становилось скучнее и тоскливее, но железная дверь АТС была все еще наглухо закрыта, а слово «доллар», выкрикиваемое толпой, зазвучало с маниакальной хрипотцой.

— Платье свадебное сжечь.

— Ой, — смогла лишь выдавить Инга.

— У меня вообще очень много вопросов к Богу. Вот, например, что мне делать с бутылочками, в которых я воду святую хранила? Ну не выбрасывать же! — И незнакомка стыдливо приложила два

пальца к губам. — Или вот брат мой в деревне коз пасет и потому не успевает молиться. Это грех?

Инга втянула голову в плечи, оглянулась в сторону беснующейся толпы.

— Так это грех? — переспросила женщина.

— А... Это вы меня спрашивали? Извините, я не сразу поняла, что меня. Не знаю... — смутилась Инга.

— Вот потому я и хожу в церковь. Все ответы там, — благоговейно заключила женщина и, не сказав больше ни слова, потерялась в густой толпе, уйдя в самое ее пекло и затаив туда дочь. Сандрик успел разглядеть маленькую, тонкую ручку девочки, которую уже через секунду проглотила мутная гуща толпы.

— Мам, у меня идет кровь, — решил Сандрик, просунув руку под воротник куртки на загривке.

— Как кровь?! — встрепенулась Инга и, оттянув воротник, заглянула внутрь. — Болит?

— Нет, мокро и липко. Как тогда, когда я разодрал колено.

— Это пот, сынок, — с облегчением выдохнула Инга, когда выткнула мокрую ладонь из-под куртки сына. — Ты просто вспотел. Потерпи еще немного. У тебя же ничего не болит?

— Я не знаю.

— Ну как так?

— Я не могу понять, болит или нет. Я не чувствую.

— Просто потерпи. Дома чай горячий попьешь.

Сандрик снова просунул руку под воротник, потом достал и внимательно оглядел.

— ...я историю с елкой как-то заела, запила. Да забыла уже. А он мне вчера очередное выдает: темнота, мол, по-другому пахнет. Закроешь глаза в темноте, представляешь, что не знаешь, как сейчас на самом деле темно, и вдыхаешь через нос. Темно... А я устала слушать этот бред. Он же еще год назад нормальным был. С ним теперь уже и не выпьешь. Свое толкает.

— Он же у тебя раньше медбратом работал.

— Ах, какая теперь разница?! — Женщина в толпе устало махнула рукой. — Ну работал. Пока крыша не съехала. А сейчас только и рассказывает сказки. Помню, говорит, тело мертвое привезли ночью. Все ушли, на меня труп оставили и на студента одного, недоучку. А тело стонет и скрипит. Пальцами дергает. Студент как в угол забьется, в стену вжался. Бога зовет, крестик из-под халата достал и целует.

— Кошмар какой!

— Стоны и скрипы умерших людей — это у них там в порядке вещей. На голосовых связках, говорит, тоже есть мышцы, и они не сразу окоченевают. А я все равно думаю: это от нечистого. Неспроста же мой свихнулся.

Толпа исторгла из своего чрева неусваиваемую ширококостную вербовщицу, которая пошла на кучку малоактивных женщин, сосредоточившихся у самого края и готовых сбежать.

— А в коробках-то приглашения! — начала вербовщица, щелкнув пальцами.

— Какие еще приглашения?

— Да на рабочие места грин-карты! Там свои, американцы, отказываются в гостиницах постели заправлять и автобусы водить. В стране паника — рабочие места пропадают, граждане все этим их «бизмесом» заняты. Это не нам помощь в коробках, ми-лы-е-эээ, это они о помощи просят! А бланки приглашений нужно просто заполнить и нести в посольство. Им нужны наши руки, а эти сволочи, — и вербовщица медленно и натужно подняла указательный палец в сторону железной двери, — они все себе захватить хотят!

Кучкующиеся с краю моментально втянулись в общее облако, чернеющее на фоне наступающей темноты. Нервное напряжение обросло домыслами и догадками. Уверенность в заговоре работников АТС не покидала теперь даже Ингу, еще минуту назад готовую сбежать.

— Как думаете потратить доллары? — спросили Ингу сбоку.

— Сыну, наверно, одежду куплю. Зимнюю, — ответила не оглядываясь Инга. Все голоса теперь казались ей из одного рта. Большого, гневного и голодного. — Ну и мужу — кресло-качалку, о которой мечтает.

— О кресле-качалке! Чушь какая-то. Зачем оно ему?

— Да вот, куплю, поставлю в самом центре зала. Пусть садится, — Инга сжала губы и впечатала остекленевший взгляд в качающуюся толпу. — Может, мечты должны сбываться, чтобы сбываться и наконец издохнуть.

— Но вы не обольщайтесь, — выступила из кучки молодая женщина с красными волосами. — У меня вот подруга в Германии. Там, в ихних европах и америках, рассказывает, сплошь и рядом даже велосипеды крадут. Ве-ло-си-пе-ды! Представьте только! Кто-нибудь у нас велосипеды крадет? Ну кто? Есть хоть один пример?

— Никто у нас велосипедов не крадет. Ужас какой, — возмущенно забубнила толпа.

— Вот! А там — сплошь и рядом.

— У них или крупный «бизмес», или воровство велосипедов. Никто не хочет просто трудиться. Официантом, там, или водителем.

— Что за мелочный народ! — снова разразилась толпа.

— Дура твоя подруга! — бросила девушка неподалеку.

— Это почему? — обиделась рассказчица.

— Дура, потому что никому здесь у нас велосипеды не нужны. Ну украли велосипед. А куда его после сбить? Здесь золото из квартир выносят, чтобы нажиться. Машины угоняют.

— То есть давайте все сейчас по головкам наших дорогих американцев и европейцев гладить станем? Наговаривает, мол, моя подруга на них, бедных. Нас бы кто пожалел! Кровь из нас все вокруг пьют. За собак считают. А все блага достанутся им, там, за дверь! Вот они в Америку полетят, а мы будем всё еще стоять здесь и ждать, пока дверь откроется. Мы этого хотим? Это мы заслужили?

— Так подарки же детям!

— Посмотрите на детей: голодные, холодные, ждут чуда. Жестокость! Вот что движет этими свиньями в АТС. Жрут «Сникерсы» наших детей, небось, попивая свой кофе.

— Мам, а что бывает, если вся кровь вытечет? — Сандрик натирал пальцами глаза, всматриваясь в красные пятна под веками.

— Без крови человек не выживет.

— А человек может умереть, даже если кровь не вытекла?

— Конечно. Человек от разного умирает.

— А от чего еще?

— Зачем тебе это знать, Сандрик? Ты меня лучше про животных спроси или... не знаю там... про планеты.

— Об этом я сам прочту. Мне про кровь интересно. И про умирание.

— Рано тебе о смерти задумываться.

— Не смерть, а умирание. Мне интересно, как это происходит.

— Господи, Сандрик, где ты этого всего нахватался?

Из толпы снова истошно завопили. Люди наступали друг другу на сапоги, толкались плечами и ждали свершения.

Инга, потеряв терпение, решительно схватила Сандрика за руки и пошла прочь. Вербовщица догнала ее и перегородила путь, тяжело сопя.

— Куда это собралась? — процедила она.

— Домой. Отойдите по-хорошему.

— Мы здесь за общую цель боремся, а ты свалить решила? Это вот твое соучастие и сострадание?

— Слушайте, мне ребенка кормить надо. Мне на вашем сострадании супа не сварить.

— Это у нее продукты для супа есть дома, вот почему она сваливает! — выкрикнула вербовщица в толпу. — Зажралась! Вы только на нее посмотрите! Назад иди давай, ко всем!

— Не пойду, руки убери! — Инга долго и тщетно отбивалась от вербовщицы, как вдруг все оглянулись в сторону

железной двери: та медленно отворилась, издав истошный звук. Свершилось!

Толпа замерла. Из-за двери высунулась та самая широкая ладонь, потом исчезла, а после в толпу стали без разбору выдавать освобожденные от подарочных упаковок коробки. Женщины отпустили детей и обеими руками потянулись через головы ближе к цели. Уже спустя минуту множество рук изнутри АТС нетерпеливо скидывало коробки в толпу, даже не целясь. От происходившего веяло мертвостью, мышечными рефлексам тела перед полным окоченением.

— Гс-спди... Ты только на это смотри! — возмутилась женщина, вынув из коробки шапку ручной вязки.

— Америка! Еще богачами зовутся! Ну а фотографию-то свою зачем вкладывать? И записка фломастерами какая-то. Постыдились бы!

А когда подарки закончились и закончилась толпа, Инга скромно подошла к двери и заглянула внутрь.

— Мама, ничего не хочу, пошли! — Сандрик тщетно тянул мать назад.

Внутри уже охранник перебирал связку ключей, готовясь к дежурству.

— Извините, а где работники? Мы пришли за подарком.

— Все ушли. Нет никого. Вы тоже идите.

Инга постояла с минуту у двери.

— Зачем вам это все? Вот зачем? — охранник обвел рукой пустое помещение, еще совсем недавно заполненное коробками. — Куда ни ткни, все елки свои наряжают, гирляндами завешивают. Это же всё — чтобы тоску свою замазать. Чтобы тьму свою осветить. Чтобы она горела, как будто живая. Но мне в стакан воды что-то не то подмешали. Оттуда на меня трещина смотрит. Дым испускает. А я ей: дай мне знак! Нет ответа.

— Что ж, с наступающим, — осторожно заключила Инга. Мысленно втокнула огромное кресло-качалку в самый центр зала,

ткнула его, чтобы то закачалось. Ухмыльнулась, дернув коченеющими губами, и покинула территорию АТС, чтобы прийти сюда снова и обязательно оплатить все телефонные звонки, пустые разговоры и молчание в трубку.

А охранник вышел на холод, присел на ступени у железной двери, вытащил из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. Зажигалка в его руках свистнула, распугав последних воробьев, и вскоре наступила полная тишина. Он закрыл глаза, и темнота мгновенно запахла. Стоп-сигнал его сигареты на секунду загорелся и снова потух.

Рука дающего

Следующие несколько лет Грузия выживала на одном лишь ожидании перемен. Миша тогда еще был с семьей. Это через полгода он встанет и выйдет из дома. Но в тот самый день он сидел в зале, там же — Сандрик, и оба они смотрели на Ельцина. Ельцин пропитыми глазами смотрел на них и, соскакивая на фальцет, что-то обещал. Мишу страшно раздражали чужие обещания. Он всего хотел сразу: понимания, участия, свежей заварки в чайнике. Сам он во все это никогда не вкладывался. Он хотел всего наперед. Чтобы разглядеть, как товар, и решить — а стоит ли вкладываться вообще. Но никто не давал ему займы ни понимания, ни сочувствия. Чайник слишком часто был пуст. Никто не хотел рисковать, бросать на ветер свои усилия.

Это делало Мише больно. Так больно, что только боль, причиняемая в ответ, могла заглушить его собственную.

Они втроем — Сандрик и родители — варились в этом котле. Никто не хотел уступать. Так и жили, пока отец в один из дней, похожих на все предыдущие, не рванул с дивана во время очередной долгой рекламы и не взялся за ботинки в прихожей. Сандрик не встал. Мать не вышла из кухни. Они еще долго ничего не предпринимали, когда дверь за отцом захлопнулась.

Все настолько резко и очевидно изменилось, что первым желанием было закрыться в себе, поставить на паузу рекламу,

Ельцина, время. Изничтожить этот самый момент, который уже случился. Как будто его не было вовсе. И отца не было. И его запаха. И одежда его, только что навсегда выбежавшего из квартиры, не сложена все еще в шкафу.

И вот, месяцами ранее, они еще сидят и слушают обещания с экрана, а Миша хмыкает, качая головой. Одна его рука вытянута вдоль спинки дивана, другая легла на подлокотник. Сандрик в старом кресле перебирает импортные журналы с яркими картинками игровых приставок, машин на дистанционном управлении и роликовых коньков.

— Возьми в руки книгу! Хватит уже листать эти пустые страницы! — едва шевеля губами и не отводя глаз от экрана, бросил Миша. — Идиотом вырастешь на этих журналах. Ничего дельного Вовчику из Турции не привозят. А ты падок на этот мусор, — и отец хмыкнул так же, как делал это в адрес сытых чиновников с экрана. На слове «мусор» он уже смотрел на Сандрика, и взгляд его застыл на пару секунд.

— Я сегодня уже читал.

— Значит, считаешь еще.

— Больше не лезет! — огрызнулся Сандрик.

Однажды он подрался с отцом.

Сандрик, едва шагнувший в подростки, уступал ему в размерах и силе, и отец тогда прижал его к стене и долго держал так, ухватив за подбородок, пока Сандрик не перестал пыхтеть и сопротивляться. В первый момент глаза Миши горели торжеством и превосходством. Но потом он с отвращением к себе отпустил сына и кинул стакан в стену. А сейчас он оставался угрожающе сдержанным.

— Больше не лезет, говоришь? — спокойно повторил он, потирая щетину. Слишком спокойно, с подвохом.

Сандрик напрягся в ожидании продолжения. Именно отец научил его обращаться с людьми особым способом: к новым знакомым Сандрик поначалу оборачивался с агрессивным оскалом,

заранее очерчивая их отношения и границы дозволенного. Как бы обороняясь от возможных претензий и нападков с их стороны. А лучшая оборона — это нападение. Сандрик так и делал.

— Зря ты вот так дерзишь. Знаешь, почему Дато после школы в тюрьму загремел, а не в университет поступил? Потому что дозу не рассчитал, а потом у него крыша съехала. Он целый год гонялся с топором за родным отцом. Клялся, что зарубит. А потом у отца от горя крыша съехала. И весь следующий год уже он гонялся с топором за сыном. Буйный мужик был — сразу в полицию забрали. Мол, такие нам и нужны, — Миша хлопнул ладонью по колену и покачал головой. — Он сына в тюрьму и посадил. Сжалился в итоге, конечно, раньше времени вызволил. Всему району на радость.

— А я вообще при чем?

— При том, что Дато докатился до этой жизни. И у тебя все шансы с годами пойти по его стопам. А брат его младший, Ника, с финкой по району ходит и хаты берет. Я тебя от такого будущего огородить хочу, а ты туда лезешь руками и ногами.

— Миша, он же просто на ролики смотрел. Не сгущай красок, — Инга робко вошла в зал, встала на защиту сына.

Мишу это только раззадорило.

— Ролики?! На наших-то дорогах? Лучше пусть танк себе приглядывает. На ролики он тарашится! Ты смотри, а... Это ты его против меня настраиваешь. День за днем, день за днем, — Миша хлопал тыльной стороной ладони о другую ладонь. — Что же вы никак не уйметесь? «На ролики!» Вот так всю жизнь и будет смотреть на ролики, которые на наши дорожные выбоины не рассчитаны. Все это мечты, витание в облаках!

В этот момент Сандрик представил, как Дато врывается в их квартиру и засаживает топор Мише в спину, и топор застревает там. Отец падает на колени, истекая кровью. Вокруг него уже целая лужа. Когда крови становится слишком много, она выглядит густой, смоляной. Чернющая такая: только по красным

прозрачным краешкам себя и выдает. И вот отец тянется за топором в своей спине, но там его больше нет, потому что кровавый топор в Сандриковых руках. И это Сандрик, у которого поехала крыша. Это все он.

* * *

— Ты слышал, что у Инессы Альбертовны ограбили ночью квартиру? — начал в ажиотаже Вовчик, когда они с Сандриком встретились в школе. — Догадайся кто.

— И так понятно, — Сандрик не поменялся в лице.

— Я видел ее сейчас в классе географички, когда проходил мимо. Там дверь приоткрыта была, и Инесса плакала. Вся школа теперь только об этом и говорит. И знаешь почему?

— Ну?

— У нее в диване три тысячи долларов были запрятаны. Все забрали.

— Откуда ты знаешь?

— А она так и говорила сквозь слезы географичке: «Все три тысячи, все до доллара».

— Слушай, Вовчик, не рассказывай никому. Может, она не хочет, чтобы люди знали. Особенно старшеклассники. Особенно Никин класс.

— Да все уже знают, — бросил Вовчик и виновато отвернулся.

Позже в тот же день Сандрику поручили отнести Инессе Альбертовне кипу контрольных работ, забытых ею в школе. Не особо хотелось заходить в квартиру, где еще ночью парни в масках связали женщину, чтобы вынести все ценное. Прийти — значит, смотреть в глаза своей учительнице. Сандрику было стыдно за то, что он знал больше, чем должен. Ему было невыносимо понимать, что она ищет преступника, а все знают, кто это. И он знает, но не может сказать. Потому что страшно.

Схватив огромный сверток с тетрадями, Сандрик все же пошел и по пути думал, что Вовчик сольется на первом же повороте,

потому что ему, должно быть, так же неловко смотреть в глаза Инессе Альбертовне. Да и конкретно Вовчику ничего не поручали: он может идти домой. Вовчик тем не менее напросился в попутчики.

— Хочу увидеть, — едва сдерживая возбуждение, заявил он.

— Увидеть что?

— Ее глаза. Квартиру. Это же так интересно. Представь, как она осторожно подкрадется к двери, когда мы постучимся, — и Вовчик подавил смешок. — Подумает, вдруг снова?

— Ты придурок, Вовчик. Просто придурок! — бросил Сандрик и тут же вспомнил, как у них в подъезде умер сосед, а сам он несколько раз нарочно пробежал по чужому этажу, чтобы заглянуть в открытую дверь и посмотреть на труп.

* * *

— А, это вы... Точно, я же забыла... — безучастно заговорила Инесса Альбертовна, увидев ребят у порога.

Высокая, с короткими черными кудрями, она всегда привносила атмосферу собранности и готовности, стоило ей появиться в школьном коридоре. А сейчас она стояла сутулая, волосы поблекли, под глазами мешки. Она вяло потянулась к свертку с тетрадями и уже собралась закрыть дверь, испуганно косясь на лестничную площадку.

— Инесса Альбертовна! — вдруг вырвалось у Сандрика. Он решительно посмотрел ей в глаза.

— Да?.. Как?.. — учительница русского языка и литературы путалась в словах.

— Нам очень жаль, что все так вышло. Вы знаете, где искать то, что у вас забрали?

— Мальчики, идите домой! — Она сменила тон и насупила брови.

— Мы можем помочь с поисками, — снова ляпнул Сандрик, и Вовчик с опаской глянул на него.

— Этого еще не хватало! Не лезьте во взрослые дела. Сами разберемся.

— Ну а если воры — тоже не совсем взрослые? Может, это школьники?

Вовчик прижался к Сандрику плечом и незаметно потянул его за рукав. Послышалось, как лопнули нитки.

— Кто знает... — добавил Сандрик, почувствовав, что слишком далеко зашел.

— Всё. Домой и точка.

— До свидания, Инесса Альбертовна, — бросил Вовчик и повернулся, чтобы спуститься по лестнице.

— До завтра, — замял разговор Сандрик и тоже стал уходить.

Инесса Альбертовна не спешила закрывать дверь. Она нерешительно смотрела ребятам вслед.

— Я знаю, кто это был. Но все не так просто, — решила сказать она напоследок.

— Почему? — обернулся Сандрик.

— Пошли уже, Сандрик! — Вовчик суетился на ступенях, не находя себе места.

— Не просто, и все, — Инесса Альбертовна скрестила руки на груди и сжала губы.

— Сколько можно все этой семье прощать? — не сдержался Сандрик.

— А никто и не прощает. Всё. До завтра.

Уже через пару секунд ребята оказались этажом ниже, а хлопка двери так и не было.

— Мальчики, — вдруг послышалось сверху. Инесса Альбертовна робко выглянула в пролет. — Может, чаю с печеньем? В благодарность... — неуверенно предложила она.

Сандрик знал Инессу Альбертовну совсем не такой: непреклонная, не терпящая возражений. А сегодня это был другой, сломленный человек.

— Я все же домой, но спасибо, — Вовчик прижался к стене, чтобы в узком пролете его не было видно, и настойчиво качал головой, подавая Сандрику знаки смываться.

Инесса Альбертовна была с недавних пор вдовой. Муж владел маленькой стоматологической клиникой в районе, по местным меркам считался человеком успешным, но с ним случился инсульт. Жене оставил сбережения. Детей у них не было. Ученики не особо любили Инессу Альбертовну, потому что она проводила уроки даже в лютый мороз в необогреваемой классной комнате. А когда там со временем установили печку, она стала чаще устраивать диктанты. Одной рукой она закидывала щепки и шишки в огонь, другой держала толстую палку и перемешивала все внутри. И увлеченно диктовала текст, который знала наизусть.

— А я, пожалуй, попью чаю, — решил Сандрик.

— Предатель! — прошептал напоследок Вовчик и сбежал.

* * *

— Послушай, ты не вмешивайся во все эти дела, ладно?

— Я никому ничего не говорил, Инесса Альбертовна, честное слово. Но вас слышали люди...

Учительница устало повела плечами, залила чайный пакетик кипятком и подвинула стакан Сандрику. Они сидели в зале, хотя Сандрик больше привык к кухням. Ему там свободнее пришлось и елось. Он не боялся бы накрошить на ковер, потому что ковров в кухнях не бывало. Да и зал Инессы Альбертовны все еще источал роскошь, которая казалась Сандрику избыточной. Например, мерцающие виниловые обои и статуэтка балерины.

— Вот ее не забрали, и знаешь почему? — начала учительница, проследив за взглядом Сандрика. — У нее пятка отколота, если обратишь внимание. А другое просто не успели забрать. Да и приходили они за конкретными вещами... Тбилисские старшеклассники сейчас — полный мрак. Не становись таким, когда вырастешь.

— Вы боитесь, что они снова придут?

— Немного. Но это скорее так... со временем пройдет. Им больше нечего забирать. Не бои же отдирать.

— Инесса Альбертовна, вы совсем одна?

И в этот момент она посмотрела на Сандрика как будто немного с жалостью. Будто совсем один — это Сандрик. Смотрела и молчала.

— Как дела дома? — спросила она вдруг.

— Нормально.

— Не хочешь об этом говорить?

— Да не о чем. Дом как дом. Все чем-то заняты.

— А у мамы с папой как?

— А почему вы спрашиваете?

— Это я так, просто... — Инесса Альбертовна потерла плечо, оглянулась к окну. — Кстати, Миша — мой одноклассник. Ты не знал?

— Он никогда не рассказывал, — признался Сандрик и сам удивился этому факту. — Ни разу. Странно.

— Ты любишь отца?

— Нормально, — Сандрик часто представлял себе, как отец умирает. Например, как он засыпает и больше не просыпается. Но еще чаще он представлял, как умирает сам, в отместку отцу.

— Ну что за дурацкий ответ! Я как-никак учительница русского языка. «Нормально»!

— Люблю, не люблю... Какая разница? Он весь в делах. Моя любовь больше нужна маме.

— Почему?

— Маме ее не хватает.

Инесса Альбертовна беспокойно заерзала на стуле. Встала, схватила пачку сигарет, неумело закурила у окна.

— Утром купила. Впервые в жизни, представляешь? Ну, в смысле, впервые для себя. Раньше только мужу брала. От них и умер.

* * *

Спускаясь по лестнице от Инессы Альбертовны, Сандрик разогнался и перешагивал через три ступеньки, а с последних шести решил спрыгнуть. Так он и влетел в отца, который едва удержался на ногах. Они недолго смотрели друг на друга. Сандрик попятился, уткнулся глазами в пол, почему-то разглядывая отцовские ботинки, а Миша так и остался держать расставленными руки, в которые влетел сын.

Не перекинувшись и словом, они разошлись. Отец стал нерешительно подниматься по ступеням, а Сандрик выбежал из подъезда и пустился наутек. Самое важное — бежать не оглядываясь. Тогда все мысли вмазываются друг в друга. Главное — бежать. И придумать себе цель, которая как можно дальше от точки старта. Сандрик жил за несколько кварталов отсюда. Он спешил к матери. Ему показалось, что в точке «Б» она падает в пропасть и никто не успевает ее спасти. Рядом нет ни его, ни отца. В точке «А» вырисовывалась Инесса Альбертовна, нервно курящая у окна. И вот в ее дверь стучат. Она испуганно тушит сигарету и крадется в коридор. Припадает к глазку. И там он: как обычно, деловито прислонившись локтем к двери, смотрит себе под ноги.

Таким Сандрик помнит отца из глазка в двери. Бывало, постучится Миша или позвонит в звонок, если врубили электричество, а Сандрик и так уже в коридоре. И вот стоит Сандрик, выжидает, представляет себя идущим к двери из самой дальней комнаты. И отец нетерпеливо стучит снова. Сандрик никогда не ждал отца домой. А она, у совсем другой двери, ждала.

Добежав до поля, где начинался недостроенный и заброшенный микрорайон, Сандрик не сбавил скорости. Из травы торчали прутья и врытые глубоко в землю блоки. Он споткнулся, и его выбросило метра на два вперед. Сандрик ударился головой о землю, и темнота выжгла на небе пятна, как огонь, разъедающий кинолентку. И потом больше не было ничего.

Сандрик очнулся часа через два, привстал, держась за травмированную голову, в которой не стихал заведенный двигатель какого-то списанного КамАЗа, заправленного мочой. Боль наступала волнами, одна сильнее другой. Сандрик залез на бетонные перегородки, которые должны были стать первым этажом панельки, точно такой же, как их дом. Едва справляясь с болью, он гнал мысли, которые обретали все более четкие контуры. Ему снова захотелось их смазать, но бежать он больше не мог.

Приложив к карману брюк ладонь, Сандрик едва не подпрыгнул. Не было ключей! Всей связки: от гаража, от подвала, от склада, где работал отец. Не было ключей от их собственной квартиры. Это была не его связка, а отца. Схватил ее утром не глядя, а свою оставил в прихожей. Хуже того: на отцовской связке висел его армейский жетон с личным номером. «Мой медальон смерти», — любил повторять Миша. А что, если отца вычислят по номеру? Узнают адрес? Будут с финкой хату брать?

Сандрик бросился искать ключи по всему полю и за ним, почти добрался назад к дому Инессы Альбертовны. Там он вспомнил, что ключи еще звенели в кармане, когда он выбежал из подъезда. Отчаявшись, Сандрик вернулся на прежнее место, сел на блок и расплакался, закрывшись руками и уткнувшись в колени. День прошел, почти полностью стемнело, а он не спешил возвращаться домой.

— Что уселся тут и рыдаешь, сосунок?

Грубый и бесцеремонный вброс в адрес Сандрика был вполне ожидаем. Дато называл сосунками всех, кто ниже ростом. В их дворе жил парень, года на два старше Дато, но заметно ниже: он тоже получил это прозвище. Только младшего брата, старшеклассника Нику, Дато и боялся.

— Потерял кое-что, — неуверенно ответил злой и голодный Сандрик, вытирая грязными руками слезы.

— Что?

— Миллион долларов.

— Прямо миллион-миллион?

— Да!

— Ты сейчас сказал мне «иди в жопу»? — И Дато нарочито придвинул ухо к лицу Сандрика.

Тот отпрянул — от Дато несло перегаром, и Сандрик решил не шутить с ним дальше.

— Просто дай мне тут сидеть. Я тебя не трогал.

Дато не отставал. Он запрыгнул на блочный выступ и присел рядом с Сандриком. Что, думал Сандрик тем временем, если связка попадет в руки Ники? Что, если ее давно нашел Дато? Он же, тупица, побежал, небось, сразу к брату, чтобы тот все порешал. Они вычислили, что квартира наша, и за бутылкой водки обсудили свой план.

— И как выглядит твой миллион?

— Зеленого цвета.

— Странно. Я думал, он звенит. И совсем не зеленый...

— Почему ты так сказал?! — Сандрик решительно повернулся всем телом к Дато.

— А почему ты так занервничал? — полюбопытствовал тот.

— Так, просто... — Сандрик с опаской покосился на Дато. — А что?..

— Ничего, — Дато сорвал высокую тростинку и стал ломать ее на мелкие клочки. Движения его были нервными и неточными. — Знаешь, папа всегда любил Нику сильнее меня. «Мой Никуша» — так и называет его всегда. Даже когда брат попадает в серьезные передраги. А меня он никогда не зовет Датунной.

— Так не судят о любви, — осторожно поддержал беседу Сандрик.

— Но я же чувствую: вот не любит, и все. Говорит: ты — мой позор. Вот так: Никуша всех обокрал, а позор — я.

— Не принимай близко к сердцу, — повторил Сандрик слова, которые мать часто говорила ему самому. Повторил и сам себе усмехнулся.

А потом Дато вдруг резко сменил тон:

— Знаешь, на во-он том кладбище, что на горе, не все так просто, — начал он загадочно.

— Что ты имеешь в виду?

— Сразу за кладбищем... Ты вообще бывал там?

— Нет еще.

— Сразу за ним пригорок, и там закопаны никому не известные люди — ну те, у кого не нашлась родня, когда обнаружился сам труп. То есть, может, родня и есть, но не объявилась, когда сообщили о трупе. И знаешь, я там был. Из пригорка торчат кисти рук, ступни, даже головы, так их наплевательски закапывали. А совсем рядом течет ручей. Туда, короче, смывает тела. Поэтому там не купаются местные, деревенские.

— Бред какой-то! — По спине Сандрика пробежали мурашки, едва он вспомнил, как Дато бегал с топором за отцом.

— Это ты так думаешь. А вот на Пасху исчезают все крашенные яйца, оставленные на могилах. Это, если верить местным, те самые трупы с пригорка и утаскивают, когда их смывает ручьем ближе к могилам.

— Почему ты мне это все рассказываешь? — не вытерпел Сандрик. — Какое вообще отношение имеет это к...

— Ну? К чему? К миллиону? — азартно подался вперед Дато.

— Ах, отстань! — Сандрик безнадежно махнул рукой, а Дато тем временем снова заладил:

— Ящериц когда-нибудь ловил?

— Ну, пару раз. Их здесь много.

— А животы им резал? — Вкрадчивый тон Дато стал постепенно раздражать Сандрика.

— Да, резал! Что ты пристал вообще?! — Сандрик закрылся руками, сдавливая нескончаемую боль в голове, и уткнулся в колени, качаясь из стороны в сторону. Сейчас, подумал, спросит Дато напрямую.

— Я узнал, что если намазать слизь из живота ящерицы на окно, то через эту слизь можно увидеть голую женщину.

— Уже проверял? — безразлично пробубнил Сандрик.

— Само собой, не базар. Красотка!.. Ты слышал, что Гоча научил свою собаку спускать за собой воду?

Сандрик от неизбежности завыл. Дато нервно потирал руки, шею, затылок. Сильнее засопел.

— Свежепохороненные выделяют фосфор...

— Все, хватит! — не сдержался наконец Сандрик.

— ...Прямо из земли... — Дато поежился. Мешки под его красными глазами стали еще темнее. — Че ты, расслабься? Я же просто поговорить пришел. Вот, хочешь, бери... — Он вытащил из кармана потерянную Сандриком связку ключей и бросил ему на колени. Сандрик хотел было схватить связку, но рука Дато ловко упала на ключи и оттащила их снова к себе. — Куда спешишь, вдруг не твой это миллион?

— Это мои! Мои ключи! Мои, отдай! — взревел Сандрик.

— Номер на жетоне? — деловито начал Дато и покосился на Сандрика.

Сандрик знал номер наизусть. Что Дато еще нужно?

— А что мне будет, если верну?

— Ты и так сделал уже все, что хотел! Тебе эти ключи больше не нужны, — Сандрик осторожно предположил, что если не дубликат, так слепок уже готов.

— То есть я такой болван, что верну тебе ключи и таким образом спалю себя и Нику? А вдруг я возвращаю их, потому что Ника о ключах еще не узнал?

Это ловушка. Сандрик ему не верил.

— Во мне что, человеческого мало? А знаешь, как Ника расправляется с непослушными? Он в Глдани¹ парню лицо кислотой облил. Да-да, слышал же? Это сделал наш Никуша.

---

¹ Спальный район Тбилиси, известный высоким уровнем преступности. (Здесь и далее примеч. автора.)

— Отдай ключи! — почти шепотом взмолился Сандрик и закрыл глаза.

— На, бери, — Дато небрежно бросил связку ему в полураскрытую ладонь. Сандрик мгновенно опомнился и даже попятился назад, на безопасное расстояние.

— Если убить лягушку, начинает идти дождь, — едва слышно проговорил в пустоту Дато, нестерпимо потирая плечи.

И Сандрику вдруг стало его жаль. Дато мало кто любил. Его даже не боялись, как Нику. Он был как будто никому не нужен.

После случая с ключами Сандрик не спал еще три ночи, со страхом подозревая, что Ника все же сделал слепок. Он прислушивался к любому ночному шороху в подъезде, обливался холодным потом от звука шагов поздно возвращавшихся домой соседей. Никому ничего не рассказав, Сандрик, как ему казалось, доживал с этой тайной свои последние дни. Ему теперь хотелось умереть не в отместку отцу, а из стыда, что он всех подвел. Что к горлу ни в чем не повинной матери приставят нож или — того хуже — обольют кислотой, что заберут ее любимые украшения, доставшиеся от бабушки, что вынесут ее жалкие сбережения, которые она скрывала от отца, чтобы вовремя покупать сыну одежду и учебники.

Но уже через три дня Нику посадили в колонию для несовершеннолетних, и совсем не по делу Инессы Альбертовны: он по неосторожности грабанул местную «шишку», перед которой власть Никиного отца не имела силы. А еще через неделю Дато умер от передозировки. Его обнаружили на втором этаже недостроенной панельки на окраине микрорайона. Он лежал, скорчившись на бетонном полу, а на стене перед телом было намазано кровью из носа: «Только не на пригорке».

Пробоины

Миша постучал в дверь, и Сандрик упал головой на подушку.

Стук отца было невозможно спутать с чьим-либо еще. Сандрику одновременно захотелось и спать, и приковаться к инвалидной коляске, и вылезти через окно шестого этажа.

— Сынок, может, откроешь? — окликнула его Инга. — У меня руки мокрые.

Сандрик вдруг ясно почувствовал, что голова непривычно отяжелела: он пытался поднять ее с подушки и повторял свои попытки до боли в спине. Миша застучал настойчивее и ритмичнее, ворча себе под нос.

— Не могу... — прошептал Сандрик. Он смотрел в белый пустой потолок, в котором растворялись все мысли, как в кислоте. — Мам, открой! Не могу, — повторил он в себя.

Послышался всплеск воды, падение мокрой тяжелой тряпки на пол, и мать, с укором заглянув в зал, где Сандрик лежал на диване, вздыхая пошла к двери.

Отец не входил. Родители застыли друг против друга. Сандрик и сам не понял, как успел подняться и вот уже стоит в проеме между залом и прихожей. Инга начала первой:

— Миша, что не так? Заходи, меня дела ждут.

Миша продолжал стоять у порога как вкопанный. Его руки были прижаты к куртке, а глазами он так и поедал Ингу. И молчал.

Уже через пару секунд она все поняла, нервно махнула на мужа рукой и ушла в кухню.

— Как же ты мне надоел! Ты все равно это сделал! Все равно! Зная, что я против! — жаловалась она уже оттуда, а Миша осторожно перешагнул через порог и, не отнимая рук от груди, медленно разулся с виноватой улыбкой.

— Ну, че стоишь? — шепотом, едва скрывая волнение, начал он. — Иди сюда! — Он слегка оторвал от груди руку и неловко поманил ею к себе.

Сандрик медленно и тихо шагнул в сторону отца, вглядываясь в его полураспахнутую куртку из кожзаменителя: оттуда на него смотрели два сверкающих глаза. Отец полностью распахнул куртку и опустил на корточки. Полосатый, с серыми переливами котенок с дрожащими лапками выкатился на паркет и, шатаясь, посеменял к Сандрику, который нагнулся, осторожно взял его на руки и прижал к груди. Котенок, зацепившись когтями за шею Сандрика, испуганно запищал.

— Дай ему привыкнуть! — Мишины глаза горели. — Нужно еще подумать, чем его кормить будем.

— Так, значит, он здесь задержится?! — Инга вбежала в прихожую и, увидев котенка в Сандриковых руках, с обидой выпятила нижнюю губу. — После всех моих просьб? В квартире животным не место!

— Ингуль, угомонись! Ты даже не почувствуешь присутствия котенка. Беру его на себя, — уверил Миша жену и повесил куртку.

Утром следующего дня Инга на коленях в прихожей отмывала мочу под входной дверью и почти плакала. Сандрика она принципиально не подпускала помочь, а Миша спешно ушел на работу, перешагнув через лужу.

— Только этого мне не хватало! — с одышкой повторяла Инга и вытирала потный лоб о предплечье. — Вот все было хорошо, и для полного счастья привел кошку!

— Мам, мы научим его ходить на лоток. Он пока еще котенок.

— Который вырастет в дрянную кошку.

— Кота. Мы смотрели.

— Ой, да какая разница! Они все потом стоят у двери и воют, наружу просятся. Будет на улице заразу цеплять и домой носить. Ужас, ужас... Кошмар какой-то, — Инга нагнулась и понюхала взбухший паркет. — Фу. Мочу так просто не отмыть. Это же теперь на всю жизнь останется.

На следующий день Сандрик тыкал котенка мордой в то место, куда тот повадился мочиться, пока никто не видит. Тыкал и угрожал ему, что выбросит на улицу, если так продолжится. Котенок сопротивлялся, отворачиваясь от лужи, и истошно мяукал. Отец качал головой, курсируя из комнаты в комнату, а мать лежала без сил на диване, закрыв лицо руками.

Спустя минуту она встала и потухшими глазами уставилась в прихожую, на взбухший паркет.

— Ну что, навоспитывались? Дайте теперь все убраться, — и Инга вдруг сильно закашлялась, достала из кармана юбки платок и утерла мокрый лоб.

Инга всегда хотела второго ребенка. А Миша был против. Они много спорили по этому поводу, дело доходило до ругани. В других семьях мужчинам вообще было невдомек, что можно выбирать, сколько детей рожать. И заводить ли вообще. Детей в семьях просто «клепали», долго не задумываясь. Женщины брали все обязанности на себя, не спали ночами, нянчась с младенцами, а мужчины зарабатывали на хлеб. Но со временем что-то произошло с Мишей. Он вдруг понял, что второго ребенка просто не должно быть. «Время дурное», — любил повторять дед Сандрика, оправдывая сына.

— Это потому, что ты нас оставить собрался! Вот и не хочешь второго, — как-то заявила Инга и расплакалась.

— Дура ты! — только и нашел что ответить Миша.

В тот раз они сильно поругались, и несколько дней Инга не готовила ему, а он пропадал вечерами, не приходил вовремя домой.

— Ты думаешь, что этой твоей однокласснице Инессе тяжелее всех, потому что у нее детей нет? — заладила Инга снова уже через месяц. Миша тогда повернулся к ней спиной и стал копаться в коробке со старыми электродетальками. — Все жалеют ее, мол, бездетная, несчастная! А что ей терять? Нечего. Ну нет детей, значит, не успела ни к кому привязаться. А вон у Саркисян трое. И знаешь, кому тяжелее? Знаешь, кого одолевают кошмары по ночам?

— Саркисянам, — с ухмылкой ответил Миша через плечо. — Потому что целыми днями с тремя носятся и себя перестали уже замечать.

— Нет, — Инга снисходительно покачала головой. — Сложнее всего матерям, у которых всего один ребенок! — И она заговорила тише, а Сандрик, подглядывающий через щелочку, сильнее вжался в дверь. — Думаешь, мне не страшно от мысли, что я могу пережить своего единственного ребенка? Смотри, сколько поножовщины в школах! И знаешь, в чем разница между мной и Гаяне Саркисян? Если она потеряет одного ребенка, у нее все еще будет смысл жить дальше, ради двух других. А что останется мне? Что останется мне, Миша?

— Да ты же просто эгоистка! — Миша медленно повернулся к жене и недобро прищурился. — Только о себе и думаешь. Ты же сейчас мысленно похоронила Сандрика, ты это понимаешь?

— А что с того, что другие боятся представить такое о своих детях? Чем они лучше меня?

— Тем, что все их переживания не сосредоточены вокруг их самих. Хватит страдать о себе! Всё о себе да о себе. Опомнись! Делай и дальше для сына все, что можешь. А там как жизнь распорядится, так и будет. Задвинь себя и свое «я» подальше! Ты не одна!

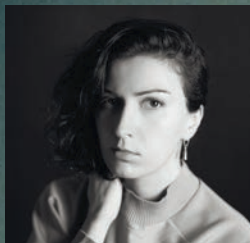
Инга, как женщина изворотливая, все же забеременела от Миши. Она все рассказала ему, не затягивая с новостью. Думала, что он смирится с фактом, и все пойдет по накатанной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I	
СОРНЯКИ	5
<i>Судороги</i>	7
<i>Рука дающего</i>	18
<i>Пробоины</i>	32
<i>По-мужски</i>	43
<i>Медведица в ванной</i>	56
<i>Вовчик</i>	65
<i>Мешок в клетку</i>	81
<i>Прыжок веры</i>	91
<i>Без головы</i>	103
<i>Наташка</i>	114
<i>Вороница</i>	123
<i>Сорняки</i>	131
ЧАСТЬ II	
ВЫБРОШЕННЫЕ НА БЕРЕГ	141
<i>Восемь минут</i>	143
<i>Три мои тени</i>	154
<i>Желтоглазые</i>	163
<i>Ты, у которого столько лиц</i>	170
<i>Сквозняки</i>	188
<i>Подлодки над городом</i>	198
<i>Переक्лики</i>	207
<i>Город с оголенным нервом</i>	225
<i>Выброшенные на берег</i>	237

<i>Киты за кухонным окном</i>	246
<i>Нелюбимые</i>	255
<i>Завалы</i>	265
<i>Скрываясь на дне</i>	275
<i>Снег, который никогда не ложится</i>	282
<i>У подножия маяка всегда темно</i>	291
<i>Острые предметы, темные углы</i>	299
<i>Кольцевые поезда</i>	309
<i>Безымянные пригороды</i>	319
<i>Свет</i>	329
<i>Прорези</i>	339
<i>Нас никогда здесь не было</i>	349
<i>Дай мне знак</i>	363
<i>Где ты?</i>	371
<i>Берлин на исходе зимы</i>	380
<i>Изумрудный океан</i>	391
<i>Ω</i>	406

Анаит Сагоян — фотограф и писатель. Родилась в Санкт-Петербурге. Девяностые и нулевые провела в Тбилиси. Эмигрировала в Германию, где занялась прозой и фотографией. Окончила магистратуру Потсдамского университета по специальности «Восточноевропейские исследования». Живет в Берлине.

Бывшая огромная страна, лишённая иллюзий, разрушается, кровоточит, спекается по краям. Сандрик и Мария, выросшие на разных концах постсоветского мира — он в Тбилиси, она на острове Беринга, — казалось бы, никогда не должны встретиться. Но все-таки пути их однажды пересекаются в Берлине, в случайной болевой точке черно-белого города, которому так не хватает любви. Два взрослых человека заново переживают детские воспоминания девяностых, а незатянувшиеся раны воспаляются с прежней силой, и каждая отдельная боль становится общей болью.

www.gorodets.ru

25
ЛЕТ
ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦКИЙ

ISBN: 978-5-907358-27-0

9 785907 358270